

УДК 141.5
ББК 87.52

«ДОМ» И «БЕЗДОМЬЕ» ЧЕЛОВЕКА: ТЕРМИНАЛЬНЫЙ СТАТУС И ФОРМЫ БЫТИЯ В КУЛЬТУРЕ

Е.В. Шутова

В статье определяется статус «Дома» и «Бездомья» как базовых архетипов и рассматривается их бытие в эпосе, фольклоре, Священных Писаниях мировых религий и русской художественной литературе.

Ключевые слова: архетип, литературные архетипы, «Дом», «Бездомье», архетипические образы.

«Дом» и «Бездомье» представляют весьма значительную философско-антропологическую проблему, как это показал М. Бубер, характеризующую особенности бытия человека в мире, воздействие их на процесс самоидентификации человека, его мировоззрение. Но в отечественной философской антропологии эта проблема слабо разработана.

Понятие «Дом» можно рассматривать в нескольких аспектах. Его основные значения, зафиксированные в словарях русского и некоторых европейских языков, – здание, семья, очаг. В.С. Непомнящий обозначает семантическое поле, в котором в русской культуре существовало это понятие, следующим образом: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, “медленные труды”. Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, “родное пепелище” – основа “самостоянья”, человечности человека, “залог величия его”, осмысленности и неодиоличества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [6, с. 198].

«Дом» в западноевропейской культуре рассматривается как «точка» интенсивности,

концентрированного существования человека, место локализации гуманистической модальности его бытия и «точка» траектории движения экзистенциального, остановка на пути экзистенциального путешествия в поисках себя. «Дом» представляет обретенную форму покоя, место для самоопределения, полагания своих границ в своем образе жизни и мыслей. Производное от «Дома» понятие «domen» (лат. – dominium) обозначает владение, собственность. «Бездомье» понимается апофатически как лишенность дома, то есть места, где человек живет (др.-гр. ἀτοπος – безместность). «Бездомье» включает два измерения бытия: социальное как выражение безродности человека в отечестве и неукорененности в социальном мире и духовно-культурное. Б.В. Ничипоров связывает бездомность с духовностью, которая имеет оттенок некоторой неполноты, трагичности, а иногда потери, разрушения [8, с. 103]. По словам В.Я. Лакшина, «дом – это традиция, норма жизни, неразрушенная культура», а «бездомье» – это потеря традиции, нормы жизни и разрушение культуры [4].

Поскольку все проблемы бытия так или иначе оказываются связанными с образом «Дома», а небытия – с образом «Бездомья», их можно отнести к числу основополагающих архетипов. Е.А. Колчанова, отмечая, что отсутствует комплексный анализ категории «архетип» и нет адекватной теории архетипа, определила «архетип» как культурфилософскую универсалию, используемую «для обозначения предельных осно-

ваний культуры, наиболее устойчивых ее первоэлементов» [3, с. 24], и объяснила спектр интерпретаций категории «архетип» в различных школах и направлениях философской и научной мысли. Исходным является понимание *архетипов* как установок коллективного бессознательного, которые К.Г. Юнг характеризовал как «первичные образы», «повторяющиеся модели опыта» [12], сохранившиеся в коллективном бессознательном человечества. В данной статье «Дом» и «Бездомье» считаются базовыми архетипами, на основе которых создается множество архетипических образов.

По критерию основных форм бытия (природа – Бог – общество – человек – культура) в историко-философской ретроспективе можно выделить шесть основных типов понимания «Дома» и «Бездомья»:

1. Натуралистический (Гераклит, Демокрит, Дж. Бруно, Б. Спиноза, П. Гольбах, Л. Фейербах, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и др.), рассматривающий в качестве «Дома» человека космос, Вселенную, природу.

2. Теологический (А. Августин, русские религиозные философы XX века), в котором Божий и земной миры выступают как соответственно «Дом» и «Бездомье».

3. Социологический (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Фуко), считающий «Домом» человека общество.

4. Антропологический (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, М. Шелер), где «Домом» человека признается замкнутый духовный мир человека-индивида, его экзистенциальная субъективность. По Хайдеггеру, человек живет в двух «Домах». Первый есть внешний объективированный социальный «Дом». Это «собственно-бытие», равнодушное и безразличное к человеку, Хайдеггер называет термином «Un-heimlichkeit» (в «Бытии и времени» в переводе В.В. Библихина – «жуть»), что буквально означает «без-домное», «бес-принутное». Второй – внутренний «Дом» индивидуальной экзистенциальной духовности. Это «я-бытие» именуется Хайдеггером «das Un-zuhause» (в переводе Библихина: «непосебе»), что означает «свой дом», «домашний очаг», «обжитое место» [Черняков 1997: 42–45]. Первый «Дом» имеет статус неподлинного, а второй – подлинного существования.

5. Коммуникативный (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, М. Бубер, С.Л. Франк, К. Ясперс), согласно которому «Домом» человека является «со-бытие» с Другим, отношение Я и Ты. По мнению М. Бубера, подлинным Домом человека выступает «мир отношений» (а не мир объектов), представляющий отношение *между* Я и Ты [2].

6. Культурологический (Х. Гадамер, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Хайдеггер), где «Домом» человека является язык. Сами люди, считает Хайдеггер, «встроены в язык» и никогда не могут из него выйти. Поэтому «язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он способ события, его мелодия» [9, с. 272].

Архетипы «Дом» и «Бездомье» широко представлены в мифах, эпосе и фольклоре. Е.М. Мелетинский считает, что в мифах и эпосе «основные подвиги героев сводятся к добычанию... культурных или природных объектов, то есть устройству человеческого мира, к защите созданного космоса от сил хаоса и к защите племени-государства от иноплеменников и иноверцев» [5, с. 21]. Проблематика «Дома» и «Бездомья» вписана в сюжеты эпосов («Илиада» и «Одиссея», «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах», «Джангариада», «Слово о полку Игореве»), где доминирующими архетипическими образами являются «Дом-отечество», «Дом-родина», «Дом-отчий край».

В русском фольклоре изображаются самые разнообразные виды домов. В свадебных причитаниях дом невесты и дом жениха рассматриваются как оппозиция «свое – чужое»; в загадках дом ассоциируется с телом человека; в родильном, свадебном, похоронном фольклоре подчеркивается главная функция дома – провести границу с внешним миром, сохранив возможность общаться с ним, и обеспечить контакт с потусторонним миром.

«Дом» относится к основным структурам сказки, а именно к пространству, которое делится на места: дом, двор, поле, лес, избушка бабы-Яги, потусторонний лес с волшебными зверями, тридесятое царство и жилище Кощей или злодея-колдуна [7, с. 123]. В.В. Николин подчеркивает, что в каждом пространстве сказки есть символы и атрибуты всех сторон мира: «Например, дом – сама модель мира, в доме есть печь, это как

бы солнце, вокруг которого вращается жизнь. Есть рукомойник и полотенце как символы воды, есть подкова как символ пути» [7, с. 124], а выходом в потусторонний мир является баня. Действия героев связываются с ритуалами, обрядами инициаций. В сказке Бездомье рассматривается как уход из «Дома», преследующий определенную цель (приключение, поиск чудесных предметов, поиск жены или невесты и т. д.), вследствие чего появляются архитектурные мотивы путешествий, соотношенные «с мифологической топографией, не только с противопоставлением неба, земли, подземного и подводного “царств”, но также с противопоставлением дома и леса (последний представляет собой “чужой” мир, насыщенный демонами и демонизмом), с маркированием реки как границы между мирами на суше и т. д. и т. п.» [5, с. 67].

Архетипы «Дом» и «Бездомье» присутствуют и в Священных Писаниях мировых религий. В Ветхом Завете «Дом» представляет, во-первых, мир, созданный Богом, – небо и земля, особо выделяются сакрализованные части земли (гора Синай, Голгофа). Во-вторых, это рай и ад, первый – Божий дом для Бога, ангелов и первых людей до грехопадения, второй – «Дом» сатаны и грешников. В-третьих, это земля, место обетования древнееврейского народа. В-четвертых, это Палестина, где иудеи стали оседлым народом и создали свое государство. В-пятых, это «Дом»-семья, роды как семьи («Дом» Авраама, Ноя, Лота, Исаака, Иакова). Некоторые города рассматриваются как разрушенные «Дома» (Содом, Гоморра), где исчезло взаимопонимание Бога и людей. В-шестых, «Дом» – это Храм. Библия хранит историю трех Храмов – Божьих «Домов», которые все были разрушены. В диаспорах возникает новый «Дом» – синагогальная религиозная организация, которая была призвана в условиях отсутствия территориального единства евреев служить интегрирующим ядром иудаизма, не позволяющим евреям забывать о своем «Доме». «Бездомье» в Ветхом Завете понимается многоаспектно: как изгнание из рая первых людей после их грехопадения, изгнание их потомков из Ханаанской земли, пребывание иудеев в египетском плену, вторичное изгнание из Ханаанской земли тех, кто не верил в Бога и не слушал его повелений (Исх. 14: 27–45), стран-

ствия по городам пророков, которые обличали пороки евреев, предсказывали им гибель из-за забвения законов, данных Богом.

В Новом Завете под «Домом» понимаются, прежде всего, все страны, где доминирующей религией является христианство. Бог закладывает фундамент христианской церкви, объявляя Иисуса Христа сыном Божиим, а его апостолов – живыми камнями, один из которых получил имя Петр (греч. «камень»). Духовным цементом при построении христианского «Дома» выступает любовь. И. Христос сравнивается в Новом Завете с женихом, Церковь – с невестой, что создает образ любящего супружеского дома. Наиболее значимыми для верующих были христианские общины, которые объединяли всех христиан принадлежностью к одному духовному «Дому». И. Христос ближнего по христианской вере уподоблял «мужу благоразумному, который построил свой дом на камне», а неверующего или отступника – «человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф. 7: 24: 27). Тем самым фундаментом христианского «Дома» считается христианская вера. Христианство распространяет архетип «Дом» и на понимание человека-христианина, его тело и особенно душу (1 Кор. 6: 19). Архетип «Бездомье» в Новом Завете характеризует нахождение вне христианской церкви, лишенность христианской веры, суеверия, язычество, замену веры обрядностью.

В исламе архетип «Дом» обладает высокой значимостью. В Коране имеется описание небесного «Дома» Аллаха и ада как «Дома» для грешников. Земным «Домом» Аллаха считается находящийся в Мекке древнейший храм – Кааба с божеством Хубалом и многочисленными идолами-бетиллами, хадж к которому считается одной из главных обязанностей мусульманина, а также могилы шейхов, святых, к которым совершаются паломничества. Другими сакральными «Домами» в исламе являются мечети.

Ислам представляет религию, которая широко вторгается в личную жизнь верующих и регулирует ее. Поэтому «Домом» для мусульман является и домашний очаг, место обитания семьи, функции членов которой прописаны в Коране. «Домом» в исламе признается и умма, религиозная община, в которую к концу жизни пророка Мухаммеда было вклю-

чено все население Аравии, а после его смерти она стала земным носителем верховного суверенитета. «Домом» мусульманина считается и махалля, квартал, где мусульмане могут жить рядом с представителями других конфессий.

Сакральным «Домом» выступают и суфийские братства (тарикеты), имеющие четкую организацию, обители (хангах, текке, рибат), где посвященные занимались постижением божественной истины (хакика). Основной организующей ячейкой суфийских братств является завия, территориально представляющая селение или город, входящие в состав братства. Для укрепления исламской веры и ее распространения создаются «Дома» для учебы – специальные мусульманские школы, где кроме общего образования дают и религиозное.

В буддизме первым из восьми сакральных мест является Бодхи, или Бо («Дерево мудрости»), сидя под которым Гаутама обрел просветление. Правильный путь, прекращающий круговорот перевоплощений и выход из мира страданий (сансары), представляет способ избавления от Бездомья и успокоения в «Доме»-нирване. К сакральным «Домам» относятся и монастыри, ставшие центрами буддизма, очагами его распространения, своеобразными университетами, где получали духовно-религиозное образование, и библиотеками. В границах монастырей образовывались буддистские монастырские общины (сангха), помогающие вступившим в них в продвижении по буддистскому пути. «Буддистская община, – считает К. Эррикер, – есть социальный институт, и она всегда доступна для тех, кто в ней нуждается. Ощущающий призвание к религии обретает здесь дом, ищущий свой путь, а жизнь буддистского братства в целом являет собой модель всего человечества» [11, с. 11]. В буддистской догматике имеется учение о «Доме»-Вселенной, с 31 сферой бытия.

В русской художественной литературе XIX–XX веков, в которой «прорастают» архетипические сюжеты и образы, к писателям «Дома» можно отнести, например, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М. Булгакова, В. Шукшина, А.И. Солженицына, В. Распутина, А. Платонова, а к писателям «Бездомья» – А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. В онтологи-

ческом плане «Дом» и «Бездомье» представляют социокультурное пространство жизни человека, в котором как в зеркале отражаются общество и историческая эпоха. Тема «Дома» становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и «самостоянии» человека. Мотив «Бездомья» неразрывно связан со странничеством и скитальчеством. В классической художественной литературе прошлого преобладал образ «Дома», а в неклассической литературе XIX–XX веков – образ «Бездомья».

В современном литературоведении введен концепт «литературный архетип», имеющий множество значений: постоянные сюжетные элементы, восходящие к мифу и фольклору и присутствующие в художественной литературе; устойчивые, неосознанные образы персонажей; структура, подобная мифомышлению; смыслы национальной картины мира и т. д. [3, с. 14, 18]. Литературные архетипы, например, широко представлены в «малороссийских» повестях Н.В. Гоголя – в виде жанровых структур и героев сказок и былей, в «Тарасе Бульбе» – в виде героико-эпического архетипа, в «Носе» – в виде культурного героя и трикстера (плута) в одном лице, в «Мертвых душах» – в героях, олицетворяющих социальный хаос. В «малороссийских» повестях бытового реализма сочетается с фантастикой, чудесами, присущими сказке, особенно волшебной. Действие происходит на ярмарках, свадьбах, праздниках, где присутствует социокультурный хаос (пляски, песни, хохот, обжорство, пьянство, любовные игры, гулянье и т. д.), и вместе с тем в сказочном пространстве. Как отмечает Е.М. Мелетинский, ритуальный хаос у Гоголя родственен мифологическому хаосу как исходному архетипу, образы ведьм и мачех восходят к демоническому образу Великой матери. В повестях действуют чудесные помощники, олицетворяющие добрые силы, и архетипический сюжет продажи души дьяволу, что позволяет сделать общий вывод о том, что «в ранних повестях Гоголя в контексте романтического обращения к фольклору, на базе переосмысления архетипических мотивов разрабатываются древнейшие архетипы» героев, сюжетов, мотивов, времени и пространства [5, с. 77–78].

Ф.М. Достоевский переносит архетип двойничества во внутренний мир своих героев. Его

Раскольников мнит себя Наполеоном, совершая преступление ради установления самоидентичности: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...». Он олицетворяет собой беспорядок, хаос, деструктивность, разрушительность. Сюжетный архетип «Преступления и наказания» разворачивается не только через действия его героя, но и через его отношение к «Дому». Как отмечал М.М. Бахтин, Достоевский «пересказывает через общее, устроенное и прочное, далекое от порога, внутреннее пространство домов, квартир и комнат... Достоевский был менее всего усадебно-домашне-комнатно-квартиро-семейным писателем» [1, с. 228]. Его Раскольников живет в социальном пространстве нищеты, пьянства, порока и криминала. Таков тот социальный дом «дна», который приводит Раскольникова к безумной идее убийства из гордыни.

В романах «Идиот» и «Братья Карамазовы» доминирует тема «бумажного дома», лишённого своих хозяев: убивают Настасью Филипповну и отца Карамазовых, отправляют в психиатрическую больницу князя Мышкина, сажают в тюрьму Рогожина, отправляют на каторгу Ивана Карамазова и т. д. «Дом» без хозяина как архетипический образ эпоса и сказки символизирует у Достоевского антропологическую идею неудавшейся судьбы, несостоявшейся жизни, неисполненной надежды.

В романе «Бесы» создается история людей-«бесов» как людей бездомных, не укорененных в жизни и не удовлетворенных ею. Достоевский выделяет два вида бездомья: метафизическое и социальное. Причиной первого вида бездомья у Ставрогина является отрыв от почвы, своей земли, народа, что приводит к безверию и самоубийству. Поведение Кириллова А. Камю назвал «логикой абсурда»: если бога нет, то человек сам должен стать богом – человекобогом. Кириллов заканчивает жизнь самоубийством ради того, чтобы своим примером спасти человечество, сделать возможным превращение каждого в человекобога. Но, отрицая Бога как нравственного абсолюта, он лишился духовной опоры в мире, обрек себя на метафизическое бездомье, а затем и на физическую смерть.

В социальном бездомье оказываются такие «бесы»-революционеры, как Шигалев и Петр Верховенский. Первый является теоретиком бунта и революции, по сути дела пере-

сказывая социальную программу Нечаева, изложенную тем в «Катехизисе революционера». Второй – практиком, который идею «судороги» в обществе реализует в жизни губернского города. Сюжетно деятельность «бесов»-революционеров представляет экстраполяцию мифологических архетипов хаоса и космоса, судьбы и свободы в социальную жизнь, но Достоевскому важно показать, что социальный хаос обусловлен тем духовно-нравственным хаосом, который живет в душе его героев-«бесов».

Таким образом, архетипы «Дом» и «Бездомье» широко представлены в мифах, эпосе, фольклоре, Священных Писаниях мировых религий, философии и художественной литературе, что свидетельствует об их универсальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : Next, 1994. – 511 с.
2. Бубер, М. Диалог / М. Бубер // Два образа веры : пер. с нем. / М. Бубер ; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – М. : Республика, 1995. – 592 с.
3. Колчанова, Е. А. «Архетип» как категория философии культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Колчанова. – Тюмень, 2006. – 25 с.
4. Лакшин, В. Я. О доме и бездомье: Александр Блок и Михаил Булгаков / В. Я. Лакшин // Литература в школе. – 1993. – № 3. – С. 13–17.
5. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 136 с.
6. Непомнящий, В. С. Поэзия и судьба / В. С. Непомнящий. – М. : Сов. писатель, 1987. – 390 с.
7. Николин, В. В. Проблема мегамашины : пособие к спецкурсу / В. В. Николин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. – 189 с.
8. Ничипоров, Б. В. Дом и его мистика / Б. В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию. – М. : ШколаПресс, 1994. – С. 102–103.
9. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 259–272.
10. Черняков, А. Г. Вместо предисловия. Стрекало вопроса / А. Г. Черняков // Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб. : НОУ «Высш. религ.-филос. шк.», 1998. – С. 3–45.
11. Эррикер, К. Буддизм : пер. с англ. / К. Эррикер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 304 с.
12. Юнг, К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 133–150.

**“HOME” AND “HOMELESSNESS” OF A HUMAN: TERMINAL STATUS
AND FORMS OF BEING IN CULTURE**

E. V. Shutova

The article defines the status of “Home” and “Homelessness” as basic archetypes and studies their being in epos, folklore, world religions and Russian literature.

Key words: *archetype, literature archetypes, “Home”, “Homelessness”, archetype images.*